
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 327
ББК 66.4(0)

DOI 10.22394/1682-2358-2022-4-4-16

Ammar Ramadan,
post-graduate student of the Comparative Political Science Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

THE GREATER MEDITERRANEAN: COMPREHENSION OF SCIENTIFIC DISCOURSE

The article deals with the problems of research views on the Mediterranean region. The existing theoretical approaches to the study of the Greater Mediterranean as a macro-region are analyzed. In today's international arena, the position of the macro-region is characterized by serious political, economic and social fragmentation, which regularly fuels regional crises and destabilization.

Key words and word-combinations: Greater Mediterranean, civilization, geopolitics.

Аммар Рамадан, аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (РУДН)
(*email: ramadanammr987@gmail.com*)

БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Рассматривается проблематика исследовательских взглядов на Средиземноморский регион. Анализируются существующие теоретические подходы к изучению Большого Средиземноморья как макрорегиона. Доказывается, что на современной международной арене положение макрорегиона характеризуется значительной политической, экономической и социальной фрагментацией, которая регулярно подпитывает региональные кризисы и дестабилизацию.

Ключевые слова и словосочетания: Большое Средиземноморье, цивилизация, геополитика.

Большое Средиземноморье на протяжении тысячелетий служило мостом между континентами. История имеет множество примеров империй и новых великих держав, которые стремились проецировать свою мощь в регионе и вокруг него, и все они использовали Средиземное море в качестве коммуникационного и транспортного простран-

ства. Средиземноморье облегчало доступ к разным континентам, и те субъекты, у которых были соответствующие средства и политическая воля, использовали регион для демонстрации силы и обеспечения сравнительного преимущества против своих противников.

В большей части зарубежных исследовательских концепций (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Х. Маккиндер, Н. Спикмен) фрагменты средиземноморского прошлого используются в качестве предпосылки для пространственной артикуляции международных отношений в рамках построения единой средиземноморской цивилизации. В результате это привело к образованию нарратива «Большое Средиземноморье».

Понятие «Большое Средиземноморье» впервые было предложено французским историком Ф. Броделем, который в своих трудах рассуждал о расширительном понимании данного геоэкономического пространства, формирующего особый макрорегион — «мир-экономику» Большого Средиземноморья. Ученый писал, что невозможно понимать Большое Средиземноморье только в географическом направлении исследований или в любом другом ограниченном пространственно-динамическом понимании [1]. С его точки зрения, отправной точкой определения Большого Средиземноморья является Средиземноморский бассейн. В то же время в роли основного и универсального пространства, объединяющего все области Большого Средиземноморья в единый экономический мир, является море, которое обеспечивает торговлю и водные коммуникации внутри региона, а также становится точкой соединения нескольких цивилизаций на пространстве одного макрорегиона [2].

В трудах Ф. Броделя Большое Средиземноморье имеет отличительную особенность: как единое пространство оно вмещает различные цивилизации, которые обладают свободой морского сообщения. Согласно теории адмирала А. Мэхэна, морская мощь («Sea Power») является ключом к глобальному господству; по сравнению с силой суши наличие морской мощи делает Большое Средиземноморье более ценным макрорегионом на геополитической карте мира [3].

В целях дальнейшего развития концепции Большого Средиземноморья Ф. Броделя можно использовать теорию пространственно-временной реальности, сформулированную американским социологом И. Валлерстайном, сопоставляющего каждый временной промежуток с конкретным пространством для социальных действий [4]. Из данной теории вытекают следующие исторические предикаты, относящиеся ко времени, через которые раскрывается единый эвристический потенциал времени и пространства, а именно: «эпизодическое геополитическое

литическое время-пространство; циклично-идеологическое время-пространство; структурное время-пространство; трансформационное время-пространство; вечное время-пространство» [5].

В случае применения обозначенных временных предикатов к Большому Средиземноморью как макрорегиону «эпизодическое геополитическое время-пространство» демонстрирует существующую и сегодня диспропорцию сил региона, ее перманентную динамику. «Циклично-идеологическое время-пространство» демонстрирует, что Большое Средиземноморье на протяжении столетий конструируется в качестве единого политико-географически целого пространства. «Структурное время-пространство» демонстрирует наличие неизменной и долговременной структурной целостности Большого Средиземноморья на протяжении нескольких столетий. «Трансформационное время-пространство» позволяет судить об эпизодических, но влияющих на определение формации региона событиях, которые на протяжении нескольких исторических циклов способны менять его структуру и географию. «Вечное время-пространство» указывает на географическую определенность Большого Средиземноморья в качестве неизменного элемента планетарного пространства.

Ф. Бродель отмечал, что сущность Средиземноморья следует рассматривать в более широком смысле, не игнорируя при этом человеческий фактор, который открывает возможность очертить его границы в несколько рядов. В своих интерпретациях Ф. Бродель ведет речь не о единой границе в качестве объекта исследования, которая окружает регион Средиземноморья, а о множестве социокультурных границ, избыливающих политико-экономическим и культурным воздействием на средиземноморскую глубинную пространственность [6].

В данном исторически сложившемся контексте проявляется, по всей видимости, принципиальный тезис Ф. Броделя: «Мир Большого Средиземноморья с различными границами, густонаселенный и разнообразный, представляет собой нечто единое, в том числе и благодаря объединению различных исторических пластов» [6].

В конце XIX — начале XX в. был введен ряд геополитических моделей для объяснения влияния или детерминации географических аспектов на международную политику. Вестфальская модель международных отношений сделала государство самой важной единицей социальной организации в мировой политике, что способствовало усовершенствованию системы взаимоотношений между автономными политическими единицами [7].

Сквозь призму данной модели мироустройства Большое Средиземноморье можно рассматривать в качестве региона большого значения,

в котором все происходящие ферментированные политические события могут иметь глобальное влияние, что отчетливо проявляется на примере конфликтов на Ближнем Востоке, затрагивающих весь мировой порядок.

Важность Большого Средиземноморья прослеживается и в теории мироустройства, предложенной английским географом и геополитиком Х. Маккиндером (в дальнейшем его теорию развивал американский геополитик профессор Н. Спикмен), которая определяет Восточную Европу от Балтийского моря через Черное море как стратегическое дополнение к Евразийскому континенту. Средиземноморье в этой интерпретации представлено «внутренним или крайним полумесяцем — Римлендом» [8]. Контроль над этой геополитической территорией, по мнению Х. Маккиндера, определяет доминирующую силу Евразии, тем самым открывая возможности к управлению всем миром [9].

В 1919 г. исследователь начал использовать геополитический термин «Хартленд» («сердцевина», место расположения важнейшего, богатого, перенасыщенного природными ресурсами и наиболее привлекательного ядра — центр Евразийского континента), расширив свою геополитическую карту, включив в нее Восточную Европу от Балтики до Черного моря в качестве стратегического приложения к Внутренней Евразии. Это стало основой его цитаты: «Кто правит Восточной Европой, тот управляет Хартлендом; кто правит Хартлендом, тот управляет Мировым Островом (Европа и Азия); кто правит Мировым островом, тот правит миром» [10].

Х. Маккиндер сосредоточился на теории определения Средиземноморья как «географического центра», или «сердца», на Евразийском континенте. Центральная область любой средиземноморской сухопутной державы — это так называемый «географический центр истории», то есть центральная область Евразийского континента [10]. Большое Средиземноморье, соответственно, является составляющей «Хартленда» как желаемый объект для захвата и влияния.

Н. Спикмен, в отличие от упомянутых геополитиков, сосредоточился на так называемых «маргинальных зонах». Он считал, что зона, расположенная на двух концах средиземноморского пространства (то есть на границе суши и моря), зажата между морской и наземной мощью, является ключом к мировому контролю в силу ее разнообразного населения, насыщенности ресурсами и активного использования внутренних морских путей [11]. «Маргинальная зона», в частности, включала в себя прибрежные районы Европы, Аравийский полуостров, пустынный пояс Ближнего Востока и Азиатский регион.

В ходе геополитических исследований Х. Маккиндер и Н. Спикмен опирались на теорию морской и сухопутной мощи адмирала А. Мэхэна и рассматривали Средиземноморскую «маргинальную зону» как «спорную зону», в которой кроется важность морской и наземной мощи. Исследования Н. Спикмена стали основой теории американского геополитика С. Коэна о том, что геостратегические и богатые ресурсами области Большого Средиземноморья («маргинальные зоны» у Н. Спикмена) представляют собой «разрушительные пояса непрерывных геополитических споров» [12]. В одном из своих исследований о географии международных отношений С. Коэн называл Средиземноморскую маргинальную зону стратегически ориентированной, но весьма проблемной территорией, поскольку она глубоко разделена внутренними противоречиями, но вместе с тем вовлечена в конкуренцию между крупными державами [13].

Если Х. Маккиндер выделял Грецию как ключевое звено Большого Средиземноморья (он настаивал на том, что Средиземноморский регион не может быть очерчен без учета важной роли Греции), то американский политолог З. Бжезинский рассматривал уже Турцию в роли одного из акторов, важность которого определяется не только его мощью и мотивацией, но и уязвимым местоположением в регионе [14]. Две страны — Греция и Турция, безусловно, являются весомой частью Большого Средиземноморья и считаются чрезвычайно важными для определения регионального порядка.

Постепенно в обновленный геополитический контекст Большого Средиземноморья проникают новые идеологические цели, в числе которых хорошо известный тезис американского политолога С. Хантингтона о столкновении цивилизаций [15], через который можно снова подчеркнуть огромное значение Большого Средиземноморья как соединения различных культур, где напряженная политическая среда неизбежно порождает конфронтацию и беспорядки. Комплексная разработка С. Хантингтоном линий разломов между цивилизациями, охарактеризованных как зоны, где внутрисударственная междоусобица или межгосударственная война может перерасти в глобальную [16], дает возможность рассматривать Большое Средиземноморье в качестве «колыбели» цивилизаций и одновременно одного из самых нестабильных регионов мира. Уместно в данной связи привести точку зрения директора средиземноморской программы Калифорнийского университета в Санта-Барбаре К. Фогу о том, что поток метафор вокруг темы Средиземноморья практически бесконечен [17].

Наряду с изложенными теоретическими наработками заслуживает внимания и современная интерпретация Большого Средиземноморья в российском научно-исследовательском дискурсе. И.А. Чихарев предлагает определение Большого Средиземноморья в следующей интерпретации: «...географическое, геополитическое, геоэкономическое и культурное пространство, находящееся между Черноморским регионом, Южной Европой, Ближним Востоком, Северной Африкой, Кавказом и бассейном Каспийского моря» [18].

Г.А. Косов утверждает, что Большое Средиземноморье следует рассматривать исключительно как «концепт (теорию, проект), основанный на идеях цивилизационного развития, сопряжения социокультурных и ментальных массивов, конфликта и консенсуса существовавших ранее и существующих в настоящее время политических и геополитических проектов» [19]. Из данного определения можно обосновать также цивилизационную динамику Большого Средиземноморья как переплетения культур и цивилизаций: начинаясь с традиционной протоцивилизации (Г.А. Косов называет ее «Протовосток»), где существовали общества с традиционными психологическими и ментальными характеристиками, осуществляется переход к образованию западной цивилизации и новому психологическо-ментальному типу [19]. Тем самым образуется симбиоз западной, мусульманской и православной цивилизаций, определяющий их взаимное проникновение в Большом Средиземноморье.

Осмысляя изложенные теоретические концепции обоснования Большого Средиземноморья, можно выделить два важных аспекта.

Во-первых, пространство Большого Средиземноморья невозможно рассматривать исключительно на базе понимания бассейнового (морского) феномена. Большое Средиземноморье обретает свое качественное наполнение именно в роли большого пространства, поскольку в его коммуникативные процессы вплетены масштабные континентальные зоны.

Во-вторых, в исторической ретроспективе регион Большого Средиземноморья был образован как своеобразная проекция стратегических позиций, политических и военно-силовых возможностей весомых международных акторов, и эти проекции на протяжении веков наслаивались друг на друга. Реальные действия акторов намечают контуры ключевых геополитических проектов в рамках региона.

Таким образом, специфика Большого Средиземноморья как геополитического проекта международных акторов может проявляться только в случае комплексного рассмотрения истории региона, а не путем сравнительной истории отдельных его стран, так как ретроспектива

Большого Средиземноморья — это история развития особого геополитического и социокультурного феномена.

Целесообразно обозначить географию и геостратегический императив Большого Средиземноморья. С точки зрения М. Тили, Большое Средиземноморье представляет собой точку соприкосновения азиатских, европейских и африканских стран, а Средиземное море можно охарактеризовать как «морские ворота» для стран Восточной Азии, стран ЕАЭС и СНГ [20].

Большое Средиземное море приобрело свое главное геостратегическое значение во время Второй мировой войны, когда нацистская Германия, фашистская Италия и Советский Союз увидели в нем инструмент к региональному и дальнейшему мировому господству. Германия считала его частью «Großdeutschland». Как отмечает К. Дженсен, интерес Германии к Средиземноморью задолго до военных действий был обусловлен тем, что ранний немецкий национализм был не антизападным, а скорее антиюжным, и врагами национализма считались представители средиземноморских цивилизаций, которых планировалось «поглотить» в концепт «Великой Германии» [21]; Италия — «*mare nostrum*» (концепт «своего моря») [22]; а СССР — как инструмент стратегического соперничества с Западом [23].

Наиболее распространенным подходом к исследованию Большого Средиземноморья является евроцентричный. Он получил свое развитие в европейских академических кругах с 1970-е годы. Проевропейский подход изучения пространства Большого Средиземноморья способствовал образованию терминологического тандема «Евросредиземноморье», для определения союзнических направлений взаимодействия Европейского союза, Ближнего Востока и Северной Африки.

Как отмечает М. Гуаскони, европейские инициативы в отношении Большого Средиземноморья были сосредоточены в первую очередь на стабилизации региона и усилении в нем роли объединенной Европы [24]. Автор объясняет это тем, что в период 1972–1974 гг. ЕС (на тот момент — ЕЭС) разработал сразу несколько инициатив для взаимодействия с регионом (к примеру, евро-средиземноморское партнерство и начало евро-арабского диалога с Лигой арабских государств). Это позволяет судить о заинтересованности Европы в налаживании взаимовыгодного партнерства со средиземноморскими странами, в стабилизации их конфликтного потенциала и политико-экономической поддержке.

В исследовании В.Д. Нечаева с соавторами отмечается, что такой подход Европы к Большому Средиземноморью был призван закрыть собой вызванные биполярностью «разломы» в отношениях Европы с

Ближневосточным регионом [25]. В итоге это предусматривало переформатирование пространства под фундамент для деятельности успешных акторов на евроатлантическом поприще — Европейского союза и США [26].

Однако, как подчеркивает в своем исследовании руководитель Средиземноморской программы итальянского аналитического центра по международным отношениям Д. Хаббер, концепция Евросредиземноморья, начиная с 1990-х годов, была движима только европейскими экономическими интересами и интересами безопасности самой Европы, при этом Европейское сообщество совершенно не занималось проблемами конфликтности региона [27].

Узкие геополитические интересы в Большом Средиземноморье со стороны Европы (ориентация на собственные экономические выгоды и невозможность полноценной реализации Евросредиземноморского партнерства на равных условиях) привели к тому, что Европейский союз вступил в контакт лишь с небольшим числом государственных субъектов региона (в частности, с такими восточными странами, как Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Иордания, Ливан, Сирия), сделав упор на двусторонние методы ведения международного сотрудничества. Это существенно ограничило диапазон европейского влияния, тем самым подорвав изначально заявленные постулаты Евросредиземноморского партнерства.

Американский подход к Большому Средиземноморью на протяжении всего XX столетия строился на получении военно-экономических преимуществ для США. Э. Бьюкенен предлагает следующую интерпретацию опыта США в Большом Средиземноморье: США никогда не рассматривали Средиземноморье как периферийный театр военных действий, но разработали стратегические интересы в регионе на основе взаимодействия политической, военной и экономической мощи [28]. Успех региональной стратегии позволял наиболее точно описать Большое Средиземноморье XX в. как «Американское озеро» [29].

Согласно точке зрения А. Эхтешами и А. Мохаммади, в самый разгар «холодной войны» Большое Средиземноморье было центральной зоной конфликта между сверхдержавами, и прибрежным государствам было трудно сохранить свою идентичность между военно-политическим альянсом НАТО, с одной стороны, и странами Организации Варшавского договора — с другой [30]. Авторы отмечают, что часть средиземноморских государств совершила «разворот на Запад» (в основном это европейские страны — Греция, Израиль), в то время как

другие остались приверженцами советского блока (в основном — страны Ближнего Востока).

По мнению А. Эхтешами и Ка Фоскари М. Пачелло, Большое Средиземноморье имеет свою собственную уникальную динамику, порождающую значительные межгосударственные конфликты, которые, как показали еще войны 1956 г. (Суэцкий кризис или Вторая арабо-израильская война), 1967 г. (Шестидневная война), и 1973 г. (Война Судного дня), включали в себя существенную региональную внешнюю составляющую [31]. Очевидны также конфликты и секьюритизированная напряженность более «местного» характера: турецкая оккупация Кипра, вторжение Израиля в Ливан в 1982 г. и растущая напряженность между Грецией и Турцией в XXI в. (борьба за ресурсы в восточном Средиземноморье 2020–2021 гг.) — все это явные примеры, вызывающие раскол между государствами и сообществами пространства Большого Средиземноморья.

Однако к началу XXI в. изложенные западные подходы к концептуальному проектированию Большого Средиземноморья как зоны своего непосредственного влияния, претерпели ряд неудач: США развязали ряд конфликтов на Ближнем Востоке, а европейский средиземноморский проект столкнулся с барьерами в силу экономического кризиса, волн «Арабской весны», миграционной катастрофы, «Брексит», пандемией COVID-19 и прочего. Это обусловило тот факт, что Большое Средиземноморье, традиционно являющееся территорией активности США и Европы, стало также зоной российской и китайской активности.

Как утверждает И.А. Чихарев, российская активность в Большом Средиземноморье может быть обоснована событиями нескольких последних лет [32]. Сюда относятся такие важные события, как вхождение Крыма в состав Российского государства; активная борьба России с терроризмом на Ближнем Востоке; активное участие России в Гражданской войне в Сирии. Все перечисленные факторы позволяют говорить о России как об одном из важных акторов, которые влияют на внутрорегиональные события в Большом Средиземноморье.

С точки зрения представителей Европейского центра Карнеги, вопреки широко распространенному мнению о том, что амбиции России в Большом Средиземноморье — это вопрос ее стремления приблизиться к статусу великой державы, они являются продуктом постоянных требований российской национальной безопасности. Главной причиной активного возвращения России в Средиземноморский регион была перспектива недопущения военной конфронтации на Европейском те-

атре военных действий и опасения по поводу уязвимости ее южного фланга в натянутых отношениях с НАТО [33].

Размышляя об интересах не менее важного на современной геополитической карте мира актора — Китая и его присутствии в регионе, отметим, что за последние пять лет Китай воплощает в жизнь свои национальные приоритеты с возрастающей активностью в Большом Средиземноморье. Эту активность целесообразно суммировать по трем основным направлениям: создание форумов отраслевого сотрудничества между Китаем и Южной Европой; инвестиции в транспортную, энергетическую и телекоммуникационную инфраструктуру региона; проведение военных учений в Средиземном море в рамках общего развития китайского морского присутствия [34].

Итак, большинство теоретиков уделяют особое внимание ряду основных характеристик Большого Средиземноморья, включая его историческую сложность, географическую уязвимость и несбалансированное развитие, которые являются важными факторами возникновения средиземноморского кризиса XXI в. (конфронтация между арабами и европейцами, соперничество между державами, контроль над проливами и Суэцким каналом, перманентные военные конфликты и пр.). Сегодня Большое Средиземноморье — это пространство конфронтации между великими державами, о чем свидетельствует сирийский вопрос, инвестирование военно-стратегической мощи в регион со стороны великих держав, интерес таких «геополитических новичков» в регионе, как азиатские гиганты (Китай) и т.п.

Можно согласиться с точкой зрения Эммануэля П. Вамвакаса о том, что конкуренция за контроль над этим геостратегическим перекрестком возобновилась по трем основным причинам: во-первых, пассивное внимание к региону со стороны США; во-вторых, возросший интерес к коммерческой деятельности (в силу открытия больших запасов природных ресурсов) традиционных и новых внешнерегionalных и внутрирегиональных акторов; регулярные внутренние политические волнения и вооруженные конфликты в Большом Средиземноморье [35].

Таким образом, текущая ситуация в Большом Средиземноморье представляет собой нестабильный симбиоз геостратегических ставок высокого уровня. Старые споры (например, между Грецией, Кипром и Турцией) изменились из-за нового соперничества за доступ к ресурсам и их транзиту, а переделка политической карты Ближнего Востока и воздержание западных игроков от активного участия в политике региона открыли новые возможности для амбиций таких акторов, как Россия и Китай. Соответственно, новая «большая игра» в

Большом Средиземноморье в значительной степени касается желания поддержки гегемонии в регионе со стороны тех или иных игроков.

Можно утверждать, что в действиях внерегиональных заинтересованных акторов возникают четыре различных, но взаимосвязанных приоритета в регионе: обеспечение территориального и морского суверенитета; контроль за ресурсами и их транзитом; будущее глобальных альянсов; широкие политические (и даже цивилизационные) повестки дня.

Множественность рассмотренных проблем и представлений способствует интерпретации статуса Средиземноморья в качестве обособленного пространства, как маршрута перехода между Востоком и Западом, характеризующегося серьезной экономической, социальной и политической фрагментацией, которая подпитывает кризисы, региональную дестабилизацию и транснациональные угрозы.

Все изложенное делает Большое Средиземноморье оригинальным пространством для посредничества и взаимодействия, а также возможной моделью устойчивого развития по принципу развития политического и военного пограничного пространства. Если представлять Средиземноморье как открытое для диалога периферийное пространство, то оно может способствовать развитию инновационных альтернативных обществ, нового совместного развития сбалансированного сотрудничества. Тем не менее этот баланс остается хрупким: он основан на асимметриях, которые должны развиваться, и на динамике интеграции, которая, хотя и является позитивной в глобальном масштабе, может создавать напряженность между сторонами победителей и проигравших. В этом отношении Большое Средиземноморье — одна из главных проблем эпохи, когда мировое пространство может быть преобразовано скорее его периферией, чем центрами, но в условиях возникновения сомнений в надежности и стабильности региона это, как следствие, ведет к решению о поддержании уже существующих в макрорегионе сторон и систем.

Рассмотренные классические и неоклассические геополитические модели и теории, безусловно, небезупречны: ряд известных оппонентов критикуют их за то, что они чрезмерно упрощают мировоззрение, не учитывая особенности как исторического, так и географического пространства. Однако они по-прежнему представляют собой существенный инструмент для формулирования внешней политики региональных и мировых держав. Следовательно, Средиземноморье остается одним из самых важных геополитических регионов на земном шаре независимо от какой-либо модели мира или вида анализа.

Библиографический список

1. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 3: События. Политика. Люди. М., 2018.
2. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003.
3. *Sumida J.* Alfred Thayer Mahan, Geopolitician // *Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22. Iss. 3. P. 39–62.
4. *Wallerstein I.* World-Systems Analysis // *World System History* / ed. G. Modelski, in *Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS)*, Developed under the Auspices of the UNESCO, Eolss Publishers. Oxford, UK. URL: <http://www.eolss.net>
5. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск, 2002.
6. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002.
7. *Osiander A.* Relations and the Westphalian Myth // *International Organization*. 2001. Vol. 55. Iss. 1.
8. *Spykman N.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1942.
9. *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction / ed. by St. Mladineo. Washington: NDU Press, 1942.
10. *Mackinder H.* The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. Iss. 4. P. 421–444.
11. *Holmila A.* Re-thinking Nicholas J. Spykman: from Historical Sociology to Balance of Power // *The International History Review*. 2020. Vol. 42. Iss. 5. P. 951–966.
12. *Cohen S.* Geopolitics: The Geography of International Relations. Maryland: Rowman & Littlefield, 2015.
13. *Cohen S.* Geography and Politics in a World Divided. Oxford: Oxford University Press, 1973.
14. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. N.Y.: Basic Books, 1997.
15. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon & Schuster, 2011.
16. *Bicchi F.* The Mediterranean, between Unity and Fault Line // *Global Affairs*. 2018. Vol. 4. Iss. 2. P. 329–339.
17. *Fogu C.* From Mare Nostrum to Mare Aliorum: Mediterranean Theory and Mediterraneanism in Contemporary Italian Thought // *California Italian Studies Journal*. 2010. Vol. 1. Iss. 1.
18. *Чухарев И.А., Ярмач О.В.* Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2019. № 1. С. 99–109.
19. *Косов Г.В., Татарков Д.Б.* Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа // *Вопросы элитологии*. 2020. № 1. С. 111–129.
20. *Tili M.* Imagining a New Mediterranean World // *Project Syndicate*. March 15, 2011. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/imagining-a-new-mediterranean-world?barrier=accesspaylog>

21. *Jansen Ch.* The Formation of German Nationalism, 1740–1850 // The Oxford Handbook of Modern German History /ed. by H. Smith. September 2011.
22. *Agbamu S.* Mare Nostrum: Italy and the Mediterranean of Ancient Rome in the Twentieth and Twenty-First Centuries // Fascism. 2019. Vol. 8. Iss. 2. P. 250–274.
23. *Мальшиева Д.* Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы // Международная жизнь. 2015. № 11.
24. *Guasconi M.E.* Europe and the Mediterranean in the 1970s. The Setting Up of the Euro-Arab Dialogue // Les cahiers Irice. 2013. Vol. 1. Iss. 10. P. 163–175.
25. *Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В.* Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья // Вестник Московского университета. 2019. № 1. С. 67–74.
26. *Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В.* Геополитические основания проекта «геостратегический атлас Большого Средиземноморья» // Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: материалы междунар. конф. М., 2019. С. 163–178.
27. *Huber D., Paciello M.C.* A Comprehensive, Integrated, and Bottom-up Approach // Medreset Methodology and Concept Papers. 2016. № 1. P. 2–21.
28. *Buchanan A.* American Grand Strategy in the Mediterranean during World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
29. *Salt A.* American Grand Strategy in the Mediterranean during World War II (Book Review) by Andrew Buchanan // Canadian Military History. 2018. Vol. 27. Iss. 2. P. 34–37.
30. *Ehteshami A., Mohammadi A.* The Key Powers' Construction of the Mediterranean // Medreset Policy Papers. 2017. Vol 2. Iss. 1. P. 2–20.
31. *Ehteshami A., Huber D., Paciello C.* The Mediterranean Reset: Geopolitics in a New Age. Durham: Global Policy, 2017.
32. *Чихарев И.А.* Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. 2021. № 3. С. 441–458.
33. *Rumer E., Sokolsky R.* Russia in the Mediterranean: Here to Stay. // Carnegie Endowment for International Peace. May 21, 2021. [Electronic resource] URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/27/russia-in-mediterranean-here-to-stay-pub-84605>
34. *Ekman A.* China in the Mediterranean: An Emerging Presence // Notes de l'Ifri. February 2018.
35. *Vamvakas P.* Global Stability and the Geopolitical Vortex of the Eastern Mediterranean // Eastern Mediterranean Geopolitical Review. 2015. Vol. 1. Iss. 1. P. 44–60.